

Joanna Wasiluk

Uniwersytet Warszawski

j.wasiluk@uw.edu.pl

ORCID: 0000-0002-8994-8177

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РОССИЙСКИХ СМИ – ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Исследование специфики метафоры на материале, взятом из современного политического дискурса, относится к одним из наиболее активно развиваемых направлений когнитивной и политической лингвистики, целью которых является исследование ментальных представлений, лежащих в основе категоризации политического мира¹. В настоящей статье мы попытаемся представить характеристику и особенности функционирования политической метафоры в российской прессе, учитывая ее гендерный аспект.

Метафора, суть которой состоит в „употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии”², является неотъемлемой частью современных медиатекстов, описывающих разнообразные политические и общественные события, явления и процессы, происходящие в стране и за рубежом. „В основе метафоризации лежит расплывчатость понятий, которыми оперирует человек, отражая в своем сознании вечно изменяющуюся многообразную внеязыковую деятельность”³. Использование метафоры пополняет арсенал наименований

¹ Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафоры*, „Вопросы когнитивной лингвистики” 2006, № 1, с. 88, электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.

² О.С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 2014, с. 231.

³ В.Г. Гак, В.Н. Теля, Е.М. Вольф, *Метафора в языке и тексте*, Москва, 1988, с. 12.

(лексикон языка), служит средством обогащения выразительности речи и усиливает воздействие на адресата.

Н.Д. Арутюнова представила ряд черт, которые связывают метафору с поэтическим дискурсом, указывают на ее преимущество по сравнению с другими языковыми средствами выразительности. Однако, как нам кажется, эти черты метафоры проявляют себя и в медиадискурсе, в частности, политическом, особенно учитывая тот факт, что метафора – универсальное явление, „ее универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях”⁴. Таким образом, вслед за Арутюновой можно выделить следующие черты метафоры: „1) слияние в ней образа и смысла, 2) контраст с тривиальной таксономией объектов, 3) категориальный сдвиг, 4) актуализация «случайных» связей, 5) несводимость к буквальной перифразе, 6) синтетичность, диффузность значения, 7) допущение разных интерпретаций, 8) отсутствие или необязательность мотивации, 9) апелляция к воображению, а не знанию, 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта”⁵.

Следует отметить, что в основе современной теории и практики исследования политической метафоры лежит концептуальная теория, созданная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Как подчеркивают в своей работе Э.В. Будаев и А.П. Чудинов она „возникла на пересечении двух, казалось бы, совершенно не взаимосвязанных научных направлений: политической лингвистики и теории метафоры (метафорологии). Так случилось, что одни лингвисты искали эффективные методики для исследования имевшихся у них богатейших текстовых материалов, тогда как другие ученые искали новое поле применения для теоретических подходов, хорошо зарекомендовавших себя при изучении художественной и бытовой речи. В результате специалисты по политической коммуникации обратили внимание на достижения метафорологии, тогда как специалисты по метафорологии предприняли попытку использовать свою методологию при изучении сферы политической коммуникации. Эвристики и методики каждого из этих направлений счастливо

⁴ Там же, с. 11.

⁵ Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская, *Теория метафоры*, Москва, 1990, с. 20.

объединились в теории политической метафоры, что способствовало достижению принципиально новых важных результатов”⁶.

Высокая частотность употребления метафоры в медиадискурсе, особенно политическом, продиктована тем, что она стала одним из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества. В результате появился ряд исследований, посвященных выявлению функций политической метафоры, описанию ее основных типов и моделей, характеристике закономерностей развертывания метафорического образа в политическом тексте⁷.

Однако, следует отметить, что функции политической метафоры во многом отвечают приведенным выше чертам метафоры, представленным Н.Д. Арутюновой. Основными функциями метафоры в политическом дискурсе являются⁸: 1) когнитивная функция, 2) коммуникативная функция, 3) прагматическая функция, 4) эстетическая функция.

Кратко представим специфику каждой из них.

Когнитивная функция позволяет рассматривать метафору как основную ментальную операцию, способ познания и категоризации мира. При этом, обращаясь к чему-то новому, сложному для осмысления, человек нередко пытается использовать элементы более знакомой и понятной ему сферы. В некоторых случаях метафора используется как другое название заменяя уже существующее, но по каким-либо причинам, не устраивающее автора. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию (по Дж. Лакоффу), что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить отношение к нему⁹. Как уже подчеркивалось выше, метафора – это особое явление, так как в ней заключена и ложь, и истина, и „нет”, и „да”¹⁰. Она отражает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств. Р. Музиля отмечает, что „метафора содержит и правду, и неправду, два чувства неразрывно друг

⁶ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Метафора в политическом интердискурсе*, Екатеринбург, 2006, с. 15.

⁷ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика*, Москва, 2012, с. 122.

⁸ Там же, с. 124–130.

⁹ А.П. Чудинов, *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*, Екатеринбург, 2003, с. 60.

¹⁰ Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская, *Теория метафоры*, Москва, 1990, с. 18.

с другом связанные. [...] Отделив в метафоре все, что, вероятно, могло бы быть правдой, от просто словесной пены, правды обычно приобретают немножко, а всю ценность метафоры сводят на нет”¹¹.

Коммуникативная функция метафоры основана на предположении, что если человек мыслит метафорами¹², то вполне закономерно, что и передача информации осуществляется с использованием метафор. Причем, во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме. Разновидностью коммуникативной функции считается эвфемистическое использование метафор, т. е. „метафора помогает передать автору информацию, которую по тем или иным соображениям он не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций”¹³. Популяризаторская функция также считается разновидностью коммуникативной функции. Ее суть состоит в том, что метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею. Как подчеркивает А.П. Чудинов метафора напоминает, в данном случае „картинки в детской книжке: они призваны привлечь внимание к тексту, но служат единственным источником информации для детей, не научившихся читать”¹⁴.

Следующая функция – прагматическая, заключается в том, что метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресату эмоционального состояния. Таким образом, метафора используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям.

Эстетическая функция метафоры является очень существенной, так как образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным. Выразительность метафоры напоминает красивую упаковку товара: „она не гарантирует качества, но очень

¹¹ Р. Музиль, *Человек без свойств*, Москва, 1984, т. 1, с. 653.

¹² Ср. Д. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры которыми мы живем*, [в:] *Теория метафоры*, Москва, 1990, с. 387.

¹³ А.П. Чудинов, *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*, Екатеринбург, 2003, с. 62.

¹⁴ А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика*, Москва, 2012, с. 127.

значима для успешной реализации продукции”¹⁵. Разновидностью данной функции является изобразительная и экспрессивно-оценочная функции.

Приведенные функции метафоры, в основном, взаимосвязаны, однако в определенных ситуациях значимость отдельных функций может усиливаться либо ослабляться. Такая проницаемость характерна, как раз, для экспрессивно-оценочной функции, так как метафора, выполняющая эту функцию, в первую очередь, используется именно в прагматических целях. Такого рода метафора не описывает, а выражает через исходный образ эмотивное отношение говорящего к обозначаемому данного языкового знака, обуславливая экспрессивность тем, что в ней совмещаются по крайней мере три модальности – оценочная, эмотивная и стилистическая, что является достаточно сильным прагматическим слоем в семантике экспрессивно-оценочных значений и что предопределяет условия их функционирования¹⁶.

Другими словами, осознанное и опредмеченное в форме чувства-отношения переживание типа одобрения, восхищения, уважения и т. п. с одной стороны, и неодобрения, презрения, пренебрежения, порицания и т. п., с другой, является результатом взаимодействия нескольких факторов. Одним из них, непосредственно стимулирующих эмоциональный всплеск, является именно образ, который тропеически „наводится” в акте номинации и появляется в поле сознания адресата и реципиента, возбуждая оценочное отношение¹⁷.

Немаловажным, в этом плане, вопросом, вызывающим интерес многих ученых, которые занимаются политической лингвистикой, является гендерная специфика политической метафоры, так как именно „мужские” и „женские” метафоры выполняют, в первую очередь, прагматическую и когнитивную функции.

Термин „гендер” (gender), введенный в научный оборот в 1950-е гг. социологом Джоном Мани, получил в современной лингвистике достаточно широкое распространение. Он является альтернативным термину пол (sex), обозначающему анатомо-физиологические особенности людей. Гендер воспринимается как – культурное, социальное, поведенческое

¹⁵ Там же, с. 129.

¹⁶ В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф, *Метафора в языке и тексте*, Москва, 1988, с. 52.

¹⁷ Там же, с. 32.

маркирование биологических различий мужчин и женщин. Гендерные нормы усваиваются с детства через социальные институты семьи, школы, средства массовой информации и т. д., диктуя определенные модели поведения, коммуникативные тактики и виды деятельности. Следовательно, интерпретация гендера как социокультурного феномена заставило исследователей задуматься над вопросом его маркирования в языке¹⁸.

Существует несколько направлений гендерных исследований, среди них феминистская лингвистика, внимание которой сосредоточено на вопросе андроцентричности языка. Согласно данному подходу, дискриминация женщин выражается в языковом сексизме, или андроцентризме языка, т.е. в неравномерной представленности в языке форм, называющих лиц разного пола. Это преобладание мужских форм в языке, вторичность номинации лиц женского пола, совпадение во многих языках понятий „человек” и „мужчина”, неравноценность наименования одних и тех же профессий. Со временем, наряду с терминами „сексизм” и „андроцентризм” был введен еще один термин „гендерная асимметрия”, считающийся более нейтральным и, не подразумевающим дискриминацию по признаку пола. Как подчеркивает А.В. Кирилина, гендерная асимметрия проявляется в системе прямых и переносных лексических значений, отражая сложившиеся в обществе стереотипы, которые тесно связаны с выражением оценки и влияют на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения¹⁹.

Гендерные стереотипы могут быть представлены в терминах когнитивной лингвистики как определенные когнитивные модели, которые находят многоаспектное выражение в системе языковых средств, в том числе в системе концептуальных метафор – гендерных метафор. Согласно гендерной лингвистике основой данных метафор является перенос не только физических, но и душевных качеств и свойств, объединенных понятиями женственность и мужественность, на пред-

¹⁸ З.И. Резанова, *Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация*, „Вестник Томского государственного университета”, Сер. Филология, № 2, 2011, с. 47.

¹⁹ А.В. Кирилина, *Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах*, [в:] *Гендер и язык*, Москва, 2005, с. 16–17.

меты, с полом не соотнесенные. Следовательно, благодаря своей образности метафора номинирует объекты разного рода, непосредственно не связанные с полом (сфера-мишень метафорической номинации). Однако, следует иметь в виду, что интерпретационный потенциал метафоры формируется динамическим взаимодействием трех основных элементов метафорической номинации в условиях относительной самостоятельности каждого из элементов структуры метафорического значения. Прямое номинативное и результативное, метафорическое, значения актуализируют элементы смысла в соотношении друг с другом. Основания метафорических уподоблений (сфера-источник, база метафоры, исходные мотивирующие значения) выступают в качестве своеобразной призмы, высвечивающей определенные свойства сферы-мишени, маркируют в особой языковой форме их значимость. Вследствие этого в качестве гендерных метафор мы рассматриваем также метафорические именованья мужчин и женщин, выступающих в качестве средства маркирования „типично мужских” и „типично женских” качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов²⁰.

Целью нашего исследования является определение основы гендерно маркированных метафор и их специфики, используя материал новостных статей, помещенных на сайтах *Gazeta.ru*, *Lenta.ru*. Данные интернет-ресурсы занимали третье и четвертое место среди самых цитируемых СМИ в 2018 году²¹. Под понятием гендерно маркированных метафор мы понимаем метафоры, в которых сферой-мишенью служит лицо определенного пола, мужского или женского, напр. *осел* (о тупом, упрямце, глупце²²), а также метафоры, в которых сферой-источником и сферой-мишенью является человек определенного пола, напр. *баба* (о робком, слабохарактерном мужчине²³).

Поскольку в сфере политики традиционно доминировали и продолжают доминировать мужчины, понятия для метафорического описания

²⁰ З.И. Резанова, *Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация*, „Вестник Томского государственного университета”, Сер. Филология, № 2, 2011, с. 48.

²¹ По данным сайта: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/>.

²² С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, 4-е изд., дополненное, Москва: Азбуковник, 1999, с. 462.

²³ Там же, с. 33.

политической деятельности, в основном, привлекаются из занятий, воспринимаемых, как типично мужские, таких как война и спорт. Одним из первых, кто обратил на это внимание был Н. Хоув, который, проанализировав политические метафоры, использованные в американской прессе в 1980–1985 гг., пришел к выводу, что наиболее укорененные и распространенные в американской культуре политические метафоры относятся к мужским занятиям²⁴. Э.В. Будаев отмечает, что „одной из самых распространенных метафор в политическом дискурсе западных стран для представления врага или чужого – это метафора насильника, агрессивного мужчины, от которого нужно защитить слабую и подвергающуюся насилию женщину”²⁵.

Следовательно, повсеместными в политическом дискурсе СМИ являются метафоры социоморфного характера. При их исследовании анализируются концепты, относящиеся к исходной понятийной сфере „Война”, причем существенную роль в этом плане играют США и Россия, которые зачастую представляются как завоеватель, захватчик, агрессор, напр.,

(1) Наиболее конфликтным моментом в отношениях стран „Вышеградской четверки” и Брюсселя является политика Евросоюза по приему беженцев. Тот же Орбан [приводится следующее высказывание венгерского премьер-министра – И.В.] объявлял Среднюю и Восточную Европу „зоной без мигрантов”, а беженцев называл „мусульманскими захватчиками”²⁶;

(2) „Евросоюз теряет дыхание. Я надеюсь, что мы разрушим ЕС изнутри. Мы должны вести себя как **завоеватели**”, – сказала она [лидер французской партии Марин Ле Пен – И.В.]²⁷;

(3) „Вся история Польши подчинена позиции пришедшей к власти партии «Право и справедливость», которая заключается в том, что

²⁴ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Метафора в политическом интердискурсе*, Екатеринбург, 2006, с. 142.

²⁵ Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафорики*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 88, электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.

²⁶ https://www.gazeta.ru/politics/2018/01/28_a_11628643.shtml

²⁷ <https://lenta.ru/news/2017/12/17/eu/>

Польша была под оккупацией с 1939 по 1989 год. Соответственно, все, что было в это время сделано в Польше, – это насилие, тоталитаризм и т. д. В связи с этим памятники освободителям Польши превращаются в **памятники насильникам, грабителям и завоевателям**”, – заявил президент Российско-польского центра диалога и согласия Юрий Бондаренко²⁸;

(4) Украинский сайт „Миротворец” назвал священнослужителей Русской православной церкви **„боевыми единицами”** России. Их сайт призвал „не задумываясь” убивать²⁹;

(5) Закон о реинтеграции Донбасса был принят Верховной Радой 18 января. Согласно ему, президент Украины может вводить военное положение, а Россия признается **„страной-агрессором”**³⁰;

(6) ИГ выдвигает лозунг: „вы принесли в наши страны гражданскую войну, мы принесем ее к вам”. Их задача – подтолкнуть все мусульманское сообщество на войну с **захватчиками**, на войну с христианами³¹.

К разряду социоморфных метафор принадлежат тоже те метафоры, исходным концептом которых является „Игра и спорт”, а также „Цирк”, напр.,

(1) Правда, иногда стремление **дать отпор соперникам** доходит до абсурда: после инаугурации Трампа Конзэй, например, заявила, что искаженные данные о количестве граждан, пришедших на инаугурацию Трампа – это „альтернативные факты”³²;

(2) Выборы президента США прошли 8 ноября 2016 года. Хиллари Клинтон, баллотировавшаяся от Демократической партии, считалась безусловным **фаворитом гонки**, однако в итоге **победу одержал** республиканец Дональд Трамп³³;

(3) Депутат Госдумы Наталья Поклонская заявила, что депутат Верховной Рады Украины Игорь Мосийчук является **клоуном и жалким шутом**³⁴;

²⁸ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/21/n_10718882.shtml

²⁹ <https://lenta.ru/news/2018/03/09/novievragi/>

³⁰ <https://lenta.ru/news/2018/02/13/dengievropi/>

³¹ https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/13_a_10523195.shtml

³² https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/07_a_11675125.shtml

³³ <https://lenta.ru/news/2017/09/11/hillary/>

³⁴ https://www.gazeta.ru/politics/news/2018/01/17/n_11060540.shtml

(4) У читающего американскую прессу создается впечатление, что президент либо **клоун**, либо **сумасшедший**. Но достаточно самому посмотреть любое выступление Трампа, скажем, по налоговой реформе или аргументацию его позиции по выходу из Парижских соглашений, и появляется ощущение когнитивного диссонанса. Совсем не **клоун**³⁵;

(5) Журнал *New Yorker* поместил на свою обложку президента США Дональда Трампа в образе „**опасного клоуна**”, выглядывающего из леса³⁶;

(6) Отмечается, что на объявлениях написано: „Встречайте в вашем городе **знаменитого грузинского политического клоуна**. Любимец протестных гопников и дурачков”. Ранее мэр украинского Днепра Борис Филатов к приезду в город Михаила Саакашвили снял запрет на гастроли бродячих цирков³⁷;

(7) Официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Захарова в своем фейсбуке прокомментировала публикацию Buzzfeed о якобы имевшей место встрече представителя штаба президента США Дональда Трампа с „контактным человеком от МИДа”. „Я просто наслаждаюсь этим **американским цирком атлантов**, который разворачивается все в новых и новых информационных плоскостях”³⁸.

Наряду с социоморфными метафорами, используются природо-морфные метафоры. В данном случае, источником метафорической экспансии служит понятийная сфера „Мир животных”, напр.,

(1) „**Лев**, фюрер, красавчик”. Как праздновали 70-летие Владимира Жириновского³⁹;

(2) Тот не остался в долгу: интернет-ресурс **Breitbart**, редактируемый главой избирательной кампании Трампа Стивеном Бэнноном, ежедневно публиковал антисоросовские статьи, изображая его исчадием ада, **глобалистским пауком**, раскинувшим сети по всему миру и теперь желающим поработить свободную Америку, посадив в президентское кресло Хиллари Клинтон⁴⁰;

³⁵ https://www.gazeta.ru/politics/2017/11/09_a_10976474.shtml

³⁶ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/24/n_10729592.shtml

³⁷ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/09/21/n_10599386.shtml

³⁸ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/31/n_10759904.shtml

³⁹ https://www.gazeta.ru/politics/2016/04/25_a_8197103.shtml

⁴⁰ https://m.lenta.ru/articles/2017/03/10/soros_vs_trump/

(3) Британское издание Telegraph составило целую галерею обзывательств, которые Трамп использовал по отношению к женщинам: „жирная”, „свинья”, „собака”, „омерзительное животное” – лишь немногие из нелицеприятных высказываний главы США⁴¹;

(4) Большинство сторонниц миллиардера – молодые девушки с высшим образованием, или, как называют их сами феминистки, „**бабские шовинистические свиньи**”⁴²;

(5) Спикер парламента Чечни пригрозил спустить овчарку Кадырова на „**оппозиционных дворняг**”⁴³;

(6) Она [депутат Госдумы РФ Наталия Поклонская – И.В.] также процитировала слова из последнего обращения Слободана Милошевича к народам России, Украины и Белоруссии, в котором он назвал Запад „**цепной бешеной собакой**” и призвал помнить об истории Югославии, сказав, что „с вами сделают то же самое, когда вы разобщитесь и дадите слабину”⁴⁴;

(7) Ранее министр обороны США Джеймс „**Бешеный пес**” Мэттис (также известный под псевдонимом Боевой Монах) заявил, что Северная Корея потерпит поражение в гонке вооружений и любом конфликте, который она спровоцирует⁴⁵; Усиление аппаратной роли Пентагона, во главе которого стоит „**пес войны**” Джеймс Мэттис, может пойти во вред дипломатии, считают многие американские эксперты⁴⁶;

(8) А что касается России, то отношение топовых политиков, что со стороны „**ослов**”, что со стороны „**слонов**” абсолютно однозначное. Это осталось еще со времен СССР⁴⁷;

(9) При этом Савченко [народный депутат Верховной Рады Украины – И.В.] назвала парламентариев „**баранами**”. „Вы” не защищаете и вы не разбираетесь справедливо. Вы политически спекулируете и доказываете

⁴¹ https://www.gazeta.ru/politics/2018/03/07_a_11675125.shtml

⁴² <https://lenta.ru/articles/2017/03/20/pornotrump/>

⁴³ https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/01/17/n_8131733.shtml

⁴⁴ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/11/08/n_10791068.shtml

⁴⁵ https://www.gazeta.ru/politics/2017/09/03_a_10872596.shtml

⁴⁶ https://www.gazeta.ru/politics/2017/08/01_a_10814083.shtml

⁴⁷ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/21/n_10206749.shtml

еще раз всем людям, что вы бараны. Только **один баран „круторогее” другого**. На самом деле бараны – „все”, – заявила нардеп. Однако позже бывшая летчица уточнила, что она и себя причислила к „этому стаду”. „Я и себя назвала «бараном». Я теперь, к сожалению, тоже часть этого стада”⁴⁸;

(10) Телеведущая Ксения Собчак, комментируя инцидент с провокатором в маске единорога на пресс-конференции в программе „Андрей Малахов. Прямой эфир” заявила, что ассоциирует себя с единорогом. „Если я и лошадь – **я сказочная лошадь**. Которая хочет принести людям в жизнь сказку, счастье и правильные ценности”, – сказала она⁴⁹.

Значительно реже, по сравнению с предыдущими группами, используется антропоморфная метафора с концептом „Болезнь” и „Персонажи”, напр.,

(1) Кроме того, автор называет **президентство Трампа „болезнью”** американской политической системы⁵⁰;

(2) Глава крымского парламента Владимир Константинов заявил, что **Украина** за последние три года превратилась в „**больного человека Европы**”, передает РИА „Новости”. Он также сравнил Украину с Османской империей в XIX веке накануне своего распада. „За три года, прошедших после государственного переворота, Украина превратилась в «больного человека Европы», которого никто не хочет содержать и лечить. В XIX веке «больным человеком Европы» называли Османскую империю. **«Болезнь» закончилась распадом империи**”, – сказал Константинов⁵¹;

(3) Киркорова в шикарном пуховике назвали „**кудрявой бабушкой**”⁵²;

(4) Некоторые ограничиваются скупой фразой: „При нем нам будет хуже”. Другие считают, что жизнь афроамериканцев при Трампе не изменится – то есть будет настолько же плохо, как сейчас. „Как вам сказать, **Трамп – сволочь**. Но он не хуже других **сволочей**, которые

⁴⁸ https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/11/16/n_9338741.shtml

⁴⁹ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/25/n_10737080.shtml

⁵⁰ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/30/n_10756052.shtml

⁵¹ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/11/29/n_10875104.shtml

⁵² <https://lenta.ru/news/2018/02/12/filipp/>

были в Вашингтоне, если вы понимаете, о чем я”, – рассуждает один из них⁵³;

(5) Тот не остался в долгу: интернет-ресурс Breitbart, редактируемый главой избирательной кампании Трампа Стивеном Бэнноном, ежедневно публиковал антисоросовские статьи, изображая его **исчадием ада**, глобалистским пауком, раскинувшим сети по всему миру и теперь желающим поработить свободную Америку, посадив в президентское кресло Хиллари Клинтон⁵⁴;

(6) Объяснить, как такому **исчадию ада**, как Трамп, удалось обойти прочих республиканских кандидатов в президенты, а затем и победить на выборах, можно было только одним образом: вмешательством внешних сил. И кто же, как не Путин, мог выступить в этой роли?⁵⁵;

(7) Ранее в августе в эфире телепрограммы Morning Joe на телеканале MSNBC был представлен аудиофрагмент из мемуаров Клинтон, где она называла Трампа запугивающим женщин **гадом**⁵⁶;

(8) Сегодня в Америке началась новая **охота на ведьм**. Читая газеты в США, видно, что эта пропаганда проходит все время красной нитью⁵⁷;

(9) Захарова назвала „**средневековой охотой на ведьм**” депортацию журналиста НТВ с Украины⁵⁸;

(10) Зампред комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Франц Клинецвич заявил, что Украина уподобилась персонажу из мультфильма „**А Баба-яга против!**”, раскритиковав возможность возвращения России в Парламентскую ассамблею Совета Европы⁵⁹.

Данные примеры являются свидетельством того, что в политическом дискурсе российских СМИ доминирует тактика метафорической „маскулинизации”. Практически во всех метафорических моделях, и присущих им понятийных сферах, доминируют „мужские” метафоры, причем следует отметить, что в подавляющем большинстве это метафоры агрессии и конфронтации. Метафоры, касающиеся понятийных сфер, традиционно

⁵³ https://www.gazeta.ru/politics/2017/01/17_a_10478843.shtml

⁵⁴ https://m.lenta.ru/articles/2017/03/10/soros_vs_trump/

⁵⁵ https://lenta.ru/articles/2017/01/18/movie_sweeney/

⁵⁶ <https://lenta.ru/news/2017/09/12/1984/>

⁵⁷ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/09/15/n_10573382.shtml

⁵⁸ https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/08/n_10666310.shtml

⁵⁹ <https://www.gazeta.ru/army/2017/12/30/11585354.shtml>

воспринимаемых как мужские занятия, преобладают в политическом дискурсе, так как „военные и спортивные метафоры конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа”⁶⁰. В результате этого процесса „женские” метафоры появляются в них лишь изредка, ср. „Война” (боевая единица), „Спорт и игра” (одержав победу), „Здоровье” (болезнь). Только в случае понятийных сфер „Мир животных” (свинья, собака, дворняга, лошадь) и „Персонажи” (бабушка, сволочь, ведьма, Баба-яга), „женские” метафоры могут составлять „мужским” конкуренцию, что, в свою очередь, не является очень утешительным, поскольку в основном они носят пренебрежительный, насмешливый и иронический характер.

Следовательно, такое доминирование „мужских” метафор в политическом дискурсе СМИ в общественном сознании дает представление о политике как о мужской сфере деятельности, в которой не остается места для женщин-политиков, несмотря на то, что в современном мире женщины все чаще принимают активное участие в политической жизни общества, занимают высокие государственные должности, в том числе возглавляют государства и правительства⁶¹.

Подытоживая, следует обратить внимание на то, что основным аспектом изучения специфики гендерной политической метафоры является вопрос о влиянии мужской и женской картины мира на концептуализацию политической лексики в дискурсе СМИ. Первыми на этот аспект политической метафоры стали обращать внимание исследователи⁶², упомянутого уже феминистского направления, которые отмечали, что освещение политических событий в СМИ строится в соответствии с мужской картиной мира, и указывали на перспективы

⁶⁰ J. Fiske, *Television Culture*, New York, 1987, p. 291. Перевод: Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафоры*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 90, электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoj-metaforiki>.

⁶¹ Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафоры*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 90–91; электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoj-metaforiki>.

⁶² Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафоры*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 91; электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoj-metaforiki>.

исследования „гендерной структуры новостей”⁶³. Как нам кажется, это продиктовано тем, что в большинстве человеческих сообществ политическая власть была исключительно мужской сферой деятельности. Следовательно, гендерная специфика политической метафорики – это преобладание „мужской картины мира” при осмыслении политической действительности⁶⁴, что и подтвердил проведенный нами анализ. Как подчеркивают исследователи, „новостной дискурс представляет собой «мужской нарратив» или «мужскую мыльную оперу», в которой СМИ метафорически искажают описание политических событий в соответствии с ожиданиями мужской аудитории”⁶⁵. В настоящее время, женщины продолжают борьбу за свое право занять „достойное место” в сфере политики. Насколько прочно удастся им привить этой мужской „мыльной опере” принципы и представления женской картины мира – время покажет.

Литература

- Арутюнова Н.Д., Журиная М.А., *Теория метафоры*, Москва, 1990.
 Ахманова О.С., *Словарь лингвистических терминов*, Москва, 2014.
 Будаев Э.В., *Гендерная специфика политической метафорики*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, 1/2006, с. 88–92, электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.
 Будаев Э.В., Чудинов А.П., *Метафора в политическом интердискурсе*, Екатеринбург, 2006.
 Fiske J., *Television Culture*, New York, 1987.
 Гак В.Г., Телия В.Н., Вольф Е.М., *Метафора в языке и тексте*, Москва, 1988.
 Кирилина А.В., *Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах*, [в:] *Гендер и язык*, А.В. Кирилина (сост.), Москва, 2005, с. 7–32.

⁶³ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, *Метафора в политическом интердискурсе*, Екатеринбург, 2006, с. 142.

⁶⁴ Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафорики*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 91; электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.

⁶⁵ Э.В. Будаев, *Гендерная специфика политической метафорики*, „Вопросы когнитивной лингвистики”, № 1, 2006, с. 90; электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.

- Лакофф Д., Джонсон М., *Метафоры которыми мы живем*, [в:] *Теория метафоры*, Н.Д. Арутюнова, М.А. Журинская (ред.), Москва, 1990, с. 387–415.
- Музиль Р., *Человек без свойств*, т. 1, Москва, 1984.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва, 1999.
- Резанова З.И., *Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация*, „Вестник Томского государственного университета”, Сер. Филология, 2/2011, с. 47–57.
- Чудинов А.П., *Политическая лингвистика*, Москва, 2012.

Transliteracja bibliografii na język angielski

- Akhmanova O.S., *Slovar' lingvisticheskikh terminov*, Moskva, 2014.
- Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A., *Teoriya metafory*, Moskva, 1990.
- Budayev E.V., *Gendernaya spetsifika politicheskoy metaforiki*, “Voprosy kognitivnoy lingvistiki”, 1/2006, s. 88–92, elektronnyy resurs: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-politicheskoy-metaforiki>.
- Budayev E.V., Chudinov A.P., *Metafora v politicheskom interdiskurse*, Yekaterinburg, 2006.
- Chudinov A.P., *Politicheskaya lingvistika*, Moskva, 2012.
- Fiske J., *Television Culture*, New York, 1987.
- Gak V.G., Teliya V.N., Vol'f Ye.M., *Metafora v yazyke i tekste*, Moskva, 1988.
- Kirilina A.V., *Gendernyye issledovaniya v lingvisticheskikh distsiplinakh*, [v:] *Gender i yazyk*, A.V. Kirilina (sost.), Moskva, 2005, s. 7–32.
- Lakoff D., Dzhonson M., *Metaforы kotorymi мы zhivem*, [v:] *Teoriya metafory*, N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (red.), Moskva, 1990, s. 387–415.
- Muzil' R., *Chelovek bez svoystv*, т. 1, Moskva, 1984.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*, Moskva, 1999.
- Rezanova Z.I., *Gendernaya metafora: tipologiya, leksikograficheskaya interpretatsiya, kontekstnaya reprezentatsiya*, “Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta”, Ser. Filologiya, 2/2011, s. 47–57.

Metafory polityczne w rosyjskich mediach – aspekt genderowy

W dyskursie politycznym istotną rolę odgrywa metafora konceptualna, która często nosi charakter genderowy i jest wykorzystywana do opisu wydarzeń w kraju i na świecie, co stanowi przedmiot naszej analizy. Szczególną uwagę zwraca się na aspekt wartościujący, oceniający wspomniane metafory. Aspekt

wartościujący jest ich nieodłącznym elementem i bardzo często wiąże się z wartościami moralnymi charakterystycznymi dla danej kultury oraz stereotypami zakorzenionymi w świadomości społecznej.

Słowa kluczowe: dyskurs polityczny, metafora, funkcje metafory, metafory polityczne, gender.

Political metaphors in Russian media – gender aspect

In political discourse, a very important role is played by the conceptual metaphors, which are often gender-oriented. Such metaphors are used to describe an internal and external political relations, what is the subject of our analysis. Particular attention is paid to the evaluative properties of these metaphors, which is their inherent element and very often associated with moral values and stereotypes characteristic of a of a particular culture.

Keywords: political discourse, metaphor, functions of metaphor, political metaphors, gender.